

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

В.Д. Попов

**Alfred Ieremias. Babylonisches im
Neuen Testament. Leipzig. 1905**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1906. № 1. С. 158-166.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Alfred Jeremias. *Babylonisches im Neuen Testament.*

Leipzig 1905 г. (132s).

ПРИ ПОСТАНОВКѢ въ западной наукѣ вопроса объ отношеніи Ветхаго Заѣта къ древневосточнымъ сказаніямъ и сравнительно общемъ типѣ рѣшенія этого вопроса въ смыслѣ внутренней зависимости ветхозавѣтнаго міросозерцанія отъ міровоззрѣнія вавилонскаго, естественно было ожидать на поприщѣ научнаго изслѣдованія и разработки проблемы объ отношеніи Новаго Заѣта къ преданіямъ Востока, въ силу тѣсной органической связи Новаго Заѣта съ Ветхимъ.—Дѣйствительно уже въ 1903 году учеными ориентологами—Циммерномъ и Винклеромъ была выдвинута въ переработанномъ ими извѣстномъ труда Е. Шрадера *Keilinschriften und Altes Testament 3 Auflage, Berlin, 1903*, проблема объ отношеніи Новаго Заѣта къ восточнымъ преданіямъ, при чемъ Циммернъ взялъ на себя смѣлость рѣшить указанный вопросъ въ смыслѣ полной зависимости новозавѣтнаго міровоззрѣнія въ его основныхъ эсхатологическихъ и христологическихъ пунктахъ отъ вавилонскихъ сказаній. По воззрѣнію Циммерна общій астрально-миеологическій характеръ религіи Востока, отразившійся ясно на ветхозавѣтномъ міросозерцаніи, сказался существенно и въ религіи новозавѣтной. Генетическіе корни вавилонскаго астральнаго культа, сосредоточенные въ мифахъ о Мардуккѣ и всего многочисленнаго сонма вавилонскаго пантеона, сгруппированы въ личности Христа. Моменты евангельскаго сказанія о Христѣ Спасителѣ, напоминающіе черты вавилонскаго сказанія о богѣ Мардуккѣ,

слѣдующіе: а) Христосъ—домірное, небесное, божественное существо, б) онъ чудесно рождается, с) посылается Отцомъ, д) называетъ Себя искупителемъ, е) страдаетъ, f) умираетъ, воскресаетъ и возносится на небо, g) обѣщается придти въ міръ снова и п. т. Подъ угломъ зрѣнія Циммерна все Евангеліе превращается въ фикцію, вмѣсто исторической личности Христа Спасителя на сцену выдвигаются астрально-миѳологическія преданія, объектированныя лишь во внѣшнемъ образѣ.

Въ названномъ трудѣ А. Jeremias'a мы видимъ уже не случайную, а специальную постановку проблемы о Новомъ Заветѣ въ его отношеніи къ вавилонскимъ сказаніямъ, причемъ самая проблема, какъ увидимъ ниже, рѣшается иначе. Во введеніи къ сочиненію авторъ высказываетъ свой взглядъ на христіанскую религію, какъ на величину абсолютную, въ противоположность воззрѣнію на христіанство религіозно-исторической школы, полагающей въ основу всей жизни непрерывный законъ эволюціи и видящей въ христіанствѣ только переходную ступень къ дальнѣйшему религіозному развитію. „Въ противоположность религіозно-исторической школѣ мы твердо“, пишетъ авторъ, „настаиваемъ на томъ, что христіанство имѣетъ право на совершенно особое положеніе и потому въ сравнительной исторіи религій ему принадлежитъ не относительное только, но единственное совершенство. Религія есть общеніе съ Богомъ. Христіанство предлагаетъ искомое (въ язычествѣ) общеніе съ Богомъ въ Иисусѣ Христѣ. Поэтому христіанство есть религія въ собственномъ смыслѣ, въ немъ мы имѣемъ Бога въ полнотѣ и совершенствѣ“ (s. 2). Выходя изъ такого воззрѣнія на христіанство, авторъ считаетъ не только излишнимъ, но и необходимымъ сопоставить христіанскую религію съ религіями Востока, находя къ тому основанія какъ въ самомъ процессѣ откровенія, раскрывшемся постепенно и чрезъ посредство людей, фактовъ, представленій реальнаго міра, что по преимуществу имѣетъ отношеніе къ израильской религіи, нечуждой зависимости отъ Вавилона, равнымъ образомъ и въ самомъ воззрѣніи на весь языческій міръ, который не былъ лишенъ всецѣло Промысла откровенія и испыталъ на себѣ дѣйствія Логоса. „Всѣ богословы изъ эллиновъ и варваровъ“, по словамъ Климента Александрійскаго, „скрыли сущность вещей и истину передали въ загадкахъ и символахъ, въ аллегоріяхъ и метафорахъ“ (s. 6).

Принимая во вниманіе явленіе христіанства въ извѣстный историческій моментъ, несомнѣнно можно утверждать то, что „евангелисты и апостолы—дѣти своего времени, они предлагаютъ золотыя яблоки въ серебряныхъ чашахъ, несутъ свое сокровище въ глиняныхъ сосудахъ, но форма и украшеніе сосудовъ ничего не измѣняютъ въ цѣнности сокровища“ (s. 4).

Для надлежащаго пониманія нѣкоторыхъ новозавѣтныхъ, преимущественно апокалипсическихъ, картинъ авторъ въ первой главѣ довольно подробно останавливается на восточномъ мифѣ, относящемся къ „Богу времени“. У древневосточныхъ народовъ правильное чередованіе явленій природы, особенно различныхъ временъ года, олицетворялось въ формѣ страждуще-умирающаго и воскресающе-побѣждающаго бога. Этотъ мифъ, поскольку онъ обнималъ явленія противоположнаго характера, варіировался въ діалектико-драматической формѣ; подробную схему этой формы мифическаго календаря можно представить въ слѣдующемъ видѣ: 1) рожденіе бога времени отъ башни, 2) преслѣдованіе его враждебной силой и убійство (уничтоженіе, обезглавливаніе или поглощеніе дракономъ), 3) преслѣдуемый и умирающій осмѣивается и оплакивается, съ его смертью умираетъ и вся жизнь, 4) умершій воскресаетъ и приноситъ съ собой новую эру, 5) побѣждаетъ дракона и беретъ себѣ всю власть управленія міромъ, 6) празднуетъ свое прославленіе (иногда свадьбу), 7) творитъ новую жизнь (изобрѣтаетъ въ частности вино), 8) въ результатѣ встрѣчаемъ панегирикъ побѣдителю богу (s. 9, 10). Подобная мифологическая схема о круговращеніи времени въ разнообразныхъ варіаціяхъ встрѣчалась и въ мистеріяхъ. Космологическія черты мифа о богѣ времени въ его драматической формѣ отразились на апокалипсической картинѣ о прославленіи побѣждающаго Христа, который своей смертью и воскресеньемъ упразднилъ дракона и принялъ власть управленія міромъ (апос. IV, 2—V, 1), болѣе частныя штрихи этой картины слѣдующіе: а) небесный совѣтъ, б) выступленіе прославленнаго Агнца, с) побѣда Агнца, d) прославленіе Побѣдителя—открытіе книги съ семью печатями, e) опредѣленіе небеснымъ собраніемъ награды побѣдителю (s. 14—18). Авторъ указываетъ въ данномъ откровеніи болѣе частныя моменты восточныхъ мифовъ, черты мистерій которыхъ находитъ и въ дѣйствительной обстановкѣ крестныхъ страданій Христа-Спасителя. Обстановка распятія имѣетъ въ своемъ основаніи ха-

рактерныя стороны мистерій, покоющихся на мифологической почвѣ о страдающемъ и умирающемъ богѣ времени: на Спасителя надѣвается багряница, въ руки его дается трость, и римскіе воины съ грубыми насмѣшками преклоняютъ предъ нимъ колѣна (20--23). Космологическо-мифическій отпечатокъ объ умирающемъ и оживающемъ богѣ лежитъ и на новозавѣтныхъ выраженіяхъ о сѣмени (Іоан. XXII, 20, 1 Кор. XV; 36), поскольку по отношенію къ послѣднему указывается фактъ умиранія и прозябанія. Такимъ образомъ „космической мифъ древняго міра съ его мистическими надеждами на искупленіе и обновленіе жизни послужилъ апокалиптику образомъ представленія (Darstellungsmittel) для прославленія побѣждающаго Христа“ (с. 46). Отраженіе въ Новомъ Завѣтѣ мифическихъ чертъ, какъ красокъ для выраженія христіанскихъ понятій и фактовъ, не можетъ казаться „несимпатичнымъ“. Въ христіанствѣ открылся Спаситель и язычникамъ „что для язычниковъ было высшимъ желаніемъ и стремленіемъ, и что скрывалось какъ драгоценный кладъ подъ покровомъ ихъ мифовъ, то въ дѣствительности и истинности было дано Тѣмъ, Который безъ мифа могъ сказать: смотри я все обновляю“ (12).

Вторую главу авторъ посвящаетъ вопросу о мессіанскихъ чаяніяхъ Востока, его мифологическо-космологическому представленію о явленіи царя Искупителя, каковое преставленіе различными сказаніями было приурочиваемо къ извѣстнымъ историческимъ лицамъ царской династіи, напр. Саннахерибу, Саргону, Меродаху-Баладану, Ассурбанипалу Киру. Въ сказаніяхъ объ этихъ лицахъ не трудно видѣть драматическую вариацию астральнаго мифа. Обычныя черты этихъ героевъ 1) полная таинственность, связанная съ ихъ происхожденіемъ: они рождаются безмужно отъ весталокъ и богинь (28—29), 2) подвергаются по рожденіи преслѣдованію, 3) приносятъ благословенныя и кладоносныя времена (открываютъ тайну винограда). Черты этого древне-восточнаго мифа даютъ новозавѣтному тайнозрителю рамки для изображенія картины окончательной побѣды Христа-Спасителя. Въ этой картинѣ наличность астральныхъ чертъ по отношенію къ женщинѣ, рождающей дитя, и борьбѣ послѣдняго съ дракономъ, несомнѣнна (с. 34—46).

Въ третьей главѣ авторъ подробно разсматриваетъ исторію рожденія Христа-Спасителя, какъ она трактуется у св. Матвѣя. Схема построенія этой исторіи и цѣль евангелиста—

указать на Христа, какъ на обѣтованнаго Мессію, ясно говорить за то, что писатель перваго евангелія „зналъ древневосточный мѣръ о Царѣ-Избавителѣ“ (46). Евангелистъ называетъ Спасителя, согласно древнему пророчеству, „назо-реемъ“, что не означаетъ собой города Назарета, но является техническимъ восточнымъ синонимомъ *nezari* (*nezar*), даетъ понять схемой генеалогіи, что съ Христа начинается новая эра жизни, и что особенно важно — указывать на слѣдующія пять чертъ въ примѣненіи къ Спасителю — рожденіе Искупителя отъ Дѣвы, связь этого рожденія съ таинственною звѣздой, поклоненіе волховъ и принесеніе ими даровъ, преслѣдованіе Божественнаго Младенца и бѣгство его въ Египеть, значеніе Спасителя въ дарованіи Имъ благоволенія и благословенія міру. Не отрицая реальности всѣхъ этихъ фактовъ, авторъ полагаетъ, что евангелистъ въ своемъ повѣствованіи о Христѣ останавливается на этихъ чертахъ, а не на другихъ, именно въ виду ихъ значенія и существованія въ сказаніяхъ Востока, отчасти и Запада (46—57). Черты восточныхъ мифовъ о явленіи Искупителя очень полно сгруппированы въ примѣненіи къ личности Августа, какъ объ этомъ говорятъ сохранившіеся до нашего времени извѣстные малоазійскіе манускрипты времени первыхъ столѣтій по Р. Х., представляющіе собой выраженіе народнаго преданія (s. 57—61).

Въ четвертой главѣ разсматривается идея о предустановленной гармоніи, по которой все то, что совершается на землѣ, уже предудказано на небѣ, и что существуетъ на землѣ — имѣетъ своимъ прототипомъ существующее на небѣ. Мысль эта на Востокѣ особенно примѣнялась по отношенію къ святилищамъ, конструкція этихъ послѣднихъ поставлялась въ соотношеніе съ святилищами неба. Въ Ветхомъ Завѣтѣ мысль эта проводится очень настойчиво (см. напр. Іов. 38, 33, Исх. 25, 40, планъ храма въ видѣніи пр. Іезекіиля). Въ Новомъ Завѣтѣ мысль о предустановленной гармоніи особенно ясно высказывается въ посланіи къ евреямъ, есть на нее намеки и въ другихъ новозавѣтныхъ писаніяхъ — въ посланіи къ Галат. IV, 35, Апокалипсисѣ III, 12, XXI, 2, 10, 12, VIII, 3, XVI, 7, въ еванг. Мѣ. XVIII; 18 и др. (s. 62—69).

Пятая глава посвящена раскрытію понятія „о книгѣ жизни“, очень распространеннаго въ вавилонскомъ преданіи и нашедшаго для себя почву въ древне-іудейской раввинистической литературѣ, а также на страницахъ Ветхаго и Но-

ваго Завѣтовъ. По древневавилонскому представленію жизнь земли тѣсно связана съ жизнью неба и стоитъ въ тѣсной зависимости отъ послѣдней. Судьба cadaго человѣка предрѣшена на небѣ, при чемъ распределены всѣ отдѣльные его поступки. День новаго года является днемъ росписанія поступковъ для cadaго человѣка на весь годъ. Текстъ клинописи изъ библіотеки Ассурбанашпа говоритъ о представленной „таблицѣ“ милостей, „таблицѣ“ добрыхъ дѣлъ, „таблицѣ“ грѣховъ (s. 69—70). Въ талмудической литературѣ встрѣчается прямое выраженіе „книга жизни“ (71—72), подобный терминъ мы находимъ въ слѣдующихъ мѣстахъ Ветхаго Завѣта Исх. 32, 32. Псл. 69, 29, Исаи 4, 3, Дан. 7, 13; въ Новомъ Завѣтѣ заслуживаютъ въ этомъ отношеніи вниманія слѣдующія мѣста Лук. 10, 20. Филип. 4, 3. Евр. 12, 23 Апок. 3, 5. 13, 8. 17, 8. 20, 12 (72—73).

Въ шестой главѣ авторъ привлекаетъ къ анализу понятія „вода жизни“, „хлѣбъ жизни“ и „камень жизни“. Вавилонское сказаніе, относящееся къ блаженно-первобытному состоянію человѣка на землѣ, рядомъ съ деревомъ жизни упоминаетъ и „воду жизни“. Послѣдняя въ вавилонскомъ культѣ имѣла очень большое значеніе, еще и въ настоящее время въ южной Вавилоніи, вблизи древняго пункта культа Еа, можно находить слѣды почитанія воды въ сектѣ мандеевъ (Mandäer). Иудеи подробно ознакомились съ этимъ понятіемъ, какъ это можно видѣть изъ раскопокъ, въ плѣну вавилонскомъ. Неудивительно поэтому, что и въ Новомъ Завѣтѣ мы встрѣчаемъ довольно частое упоминаніе о „водѣ живой“ (Лук. 7, 37, 4, 10 Апок. 7, 17; 21, 6; 22, 17). Въ крещеніи Іоанномъ „наполняются новымъ содержаніемъ лишь древнія формы культа“ (s. 76), въ христіанствѣ эти формы болѣе одухотворяются.

Новозавѣтное выраженіе „хлѣбъ жизни“ понятно, какъ на свидѣтельствѣ вавилонскихъ сказаній о небесномъ хлѣбѣ Ану, такъ и на обычаяхъ Востока употреблять въ священныя мистеріяхъ хлѣбъ и вино. Ветхозавѣтное представленіе о хлѣбѣ небесномъ сосредоточивалось въ понятіи манны. Конечно, едвали нужно прибавлять „насколько несравненно выше по достоинству мистеріи (христіанскія—крещеніе и евхаристія) надъ всѣми языческими. Тамъ образъ и тѣнь, здѣсь дѣло и истина“ (s. 78).

Древній Востокъ знаетъ понятіе „камень жизни“. Это не

священные аэролиты, подобные черному камню въ Каабѣ и др., а камни космологическаго значенія. О камнѣ въ подобномъ значеніи говорится въ Быт. 28 г. Пс. 118, 22. Исаиѣ 28, 6, Зах. 3, 9. Ап. Петръ называетъ Христа „живымъ камнемъ“ (1, 2, 4) (s. 79—80).

Седьмая глава посвящена разсмотрѣнію неба. Восточныя преданія различаютъ три и семь небесъ. „Всему“ земному съ тройственнымъ подраздѣленіемъ на воду, землю, воздухъ соотвѣтствуетъ и небесное „Все“ съ подобнымъ же подраздѣленіемъ на небесный океанъ, зодиакъ и сѣверное небо. Чаше встрѣчается представленіе о семи небесахъ или восьми. 7 небесъ принимаетъ и вавилонскій талмудъ. Слабые слѣды подобнаго восточнаго міровоззрѣнія находятся въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ (Втор. 10, 4; Быт. 28, 13, 2 Кор. 12, 6 Еф. 4, 10, Апок. 12, 12 (s. 81—83).

Восьмая глава говоритъ объ ангелахъ. Утверждая дѣйствительность бытія ангеловъ, какъ существъ особаго духовнаго міра, авторъ подмѣчаетъ въ библейской ангелологіи печать восточно-космологическаго представленія объ ангелахъ (Исаиѣ 24, 1, Суд. 5, 20, Іов. 38, 7, Апок. 1, 21, Лук. 2, 12; 10, 18 (s. 85—86).

Въ девятой главѣ: „12 апостоловъ и зодиакъ. Четыре евангелиста и четыре мировыхъ угла“, авторъ очень тщательно рассматриваетъ библейское значеніе количества „12“ въ связи съ восточно-астральнымъ представленіемъ о явленіяхъ зодиака, причемъ особенное вниманіе останавливаетъ на апокалипсической картинѣ XXI, 10—14. 19—20, высказываетъ предположеніе, что имена отцовъ нѣкоторыхъ изъ апостоловъ скрываютъ подъ собой міеологическіе мотивы и заканчиваетъ главу разсужденіемъ о космологическомъ значеніи числа „70“ (s. 87—93).

Десятая глава, трактующая объ ориенталистическихъ глоссахъ къ отдѣльнымъ мѣстамъ Новаго Завѣта, очень разнообразна и интересна. Въ виду разнообразія матеріала этой главы останавливаться на передачѣ ея содержанія неудобно. Ограничимся нѣкоторыми частными примѣрами. Для надлежащаго пониманія словъ Христа Спасителя: „Я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцомъ его и дочь съ матерью ея и невѣстку съ свекровью ея. И враги человѣку—домашніе его“ (Мѡ. X, 35, 36) въ высшей степени важно имѣть въ виду то, что въ восточномъ умопредставленіи подобными чертами

знаменується наступленіє новаго мессіанскаго царства. „Вавилонскія надписи говорять о раздѣленіи въ семьѣ; какъ признакъ новыхъ міровыхъ эпохъ“, въ одной изъ надписей наступленія новой эпохи характеризується такъ: „братъ уничтожить брата, люди будутъ продавать своихъ сыновей, государства повсюду придуть въ замѣшательство, мужъ покинетъ жену, жена—мужа, мать заключитъ дверь своей дочери“ (s. 97).

Предписаніе ап. Павла женщинамъ о покрытіи головы (1 Кор. XI, 10) находитъ для себя разъясненіе въ восточномъ обычаѣ и воззрѣніи на волоса, какъ сѣдалище духовъ добрыхъ и злыхъ. Въ частности глоссы указаны къ слѣдующимъ мѣстамъ новозавѣтнаго текста: *Мѡ.* III; 7, 1^в, 1. VI, 24. VIII, 9. IX, 23. X, 14. XI, 29, 27. XII, 43, 44. XV, 26. XVI, 18. XXII, 11. XIII, 5. XXVI, 64. XXVII, 45. XXVIII, 10, 19. *Мр.* IV, 11. VI, 13. VII, 33. *Лук.* 1, 19. II, 13, 41. VII, 15. XVI, 24. *Дѣян.* I, 25. VII, 23, XII, 15. XVI, 13. XXV, 10. *1 Кор.* III, 16. XIII, 1. XV, 28. *Еф.* IV, 9. *Римл.* VIII, 19. *2 Петр.* III, 5. *Апок.* XI, 1 XIII, 1. XIV, 1.

Книга заканчивается корректурными замѣтками и добавленіями къ труду автора, вышедшему въ 1904 г. „Das alte Testament im Lichte des alten Orients ¹⁾“ (s. 118—121), алфавитнымъ указателемъ именъ, встрѣчающихся въ книгѣ (112—126) и перечнемъ упомянутыхъ въ работѣ отдѣльныхъ мѣстъ изъ Св. Писанія В. и Н. З. (127—130) и талмудической литературы (131—132).

Разсматриваемое изслѣдованіе А. Jeremias'a, богатое и разнообразное по своему содержанію, имѣетъ безпорно глубокии научный интересъ, поскольку касается важной проблемы о Библии и Вавилонѣ въ границахъ спеціально по отношенію къ Новому Завѣту. Тщательное изученіе авторомъ древне-восточныхъ сказаній, ясно обнаруженное имъ въ предварительной работѣ „Das alte Testament“, дало ему безспорное право и основаніе взяться и за изслѣдованіе проблемы о Новомъ Завѣтѣ въ его отношеніи къ восточнымъ преданіямъ. Принципіальная точка зрѣнія автора на Новый Завѣтъ и его отношеніе къ вавилонскимъ сказаніямъ ясная и опредѣленная: христіанство—величина абсолютная, само-

¹⁾ Библиографическія замѣтки на эту работу см. „Христ. Чтеніе“ 1905, январь и „Труды Кіевской академіи“ 1905, май.

цѣнная и непреходящая, но поскольку оно явилось въ условіяхъ времени и мѣстной исторической обстановкѣ, стоявшихъ въ границахъ человѣческаго развитія, постолько оно не только нечуждо этихъ рамокъ, но и отливаетъ въ нихъ свое содержаніе. Восточныя сказанія—это лишь „тонъ и краски“ (1. 46) для выраженія вѣчныхъ истинъ Новаго Завѣта. Ясно, что подобное рѣшеніе проблемы объ отношеніи Новаго Завѣта къ Востоку, чуждо той односторонности и крайностей, какія мы находимъ въ рѣшеніи той же проблемы учеными Циммерномъ и Гункелемъ (s. 3, 12). Принимая во вниманіе богатство содержанія и строгую объективность метода въ изслѣдованіи, и опуская нѣкоторыя незначительныя натяжки въ сопоставленіи новозавѣтныхъ положеній съ преданіями Востока, очень понятныя въ работѣ специалиста, трудъ А. Jeremias'а можно признать очень солиднымъ и цѣннымъ трудомъ въ наукѣ. Съ данною работою необходимо придется считаться каждому экзегету Новаго Завѣта, поскольку отдѣльныя положенія послѣдняго стоятъ въ зависимости отъ формъ и красокъ древневосточныхъ сказаній и становятся болѣе понятными лишь на почвѣ этихъ преданій.

В. Поповъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки